

богословов... Третий уровень — изучение структуры текста, просто на уровне букв и их магии. Этим занимается каббала. А четвертый уровень — тайна, и вы все равно ничего с этим не сделаете, потому что она остается всегда.

Так и смерть, я думаю. На первом уровне мы знаем о самом факте смерти, на втором — пытаемся понять ее причины, исторический контекст, какие-то аналогии, на третьем — читаем всякое шарлатанство о белом коридоре и о свете в конце... А на четвертом уровне тайна, бессмертие, и никуда от этого не денешься.

— Ну, утешительно то, что когда-нибудь все выяснится...

— Знаете, уже сейчас кое-что выясняется. Человека можно обессмертить уже с помощью компьютера. Я мог бы, например, написать сценарий клипа, в котором бы ожил Андрей Миронов, то есть будут так смонтированы фрагменты его картин, что он станет выглядеть как живой. А в каком-нибудь 2050 году станет можно оживить всю труппу Ленкома. Компьютерная игра «Microsoft Lenscom», представляете? Компьютерный Горин, полно описанный на нескольких дисках, пишет пьесу. Виртуальный Захаров ее ставит. Компьютерные Леонов и Пельтиер разыгрывают. И только от вашего таланта зависит, получится это лучше, чем было, или нет.

— В известном смысле вы этим и занимаетесь. Берется старая пьеса, и по мотивам ее творится современная, вполне живая... Почему вы предпочитаете работать «по мотивам»? Вам нравится выворачивать наизнанку чужой текст и героев, или так безопаснее проскакивают намеки на современность, или вы просто любите костюмные вещи, а о костюмных временах все уже написано?

— Действуют все перечисленные вами причины плюс склад моего характера. Все люди с эффектом феши много говорят. А я пришепываю с детства и ничего не могу с этим сделать, потому что у меня прикус неправильный. То есть могу, конечно, иногда даже пытаюсь на радио, — сейчас покажу (дикая мимика усиливается)... ссейчас попытаюсь вам ссказать без шепелявого «ссс»...

— Нет, ради Бога, это уже чужая речь...

— В молодости это и воспринимается как признак индивидуальности, многим нравится, а в стариках отталкивает. Так что я и рад бы ис-

правиться, но увя. И вот я с этим пришепыванием все время отлавливал одноклассников и рассказывал им какие-то сюжеты. Причем врал половину. Если учитель среди урока выходил куда-то, меня оставляли за него, и я говорил, говорил, говорил... Так у меня появилась привычка выплетать какие-то собственные узоры вокруг уже имею-

Семьсот жен и триста наложниц — это не худшее, что может случиться с человеком.

щихся. Но это не кража героев, как вот делают разные люди, продолжающие «Войну и мир», где у них там жены декабристов выведены какими-то сексуальными монстрами...

— Я попросил бы, Григорий Израилевич! Я сам сейчас пишу продолжение «Анны Карениной»...

— Про мальчика Сережу?

— Про девочку Аню.

— Ну, это еще ничего, вам ее придется придумывать заново, ей же там в конце всего два года... Но я никогда не заимствую героев. Я обрабатываю только бродячие сюжеты. Чтобы последним пристроиться в шеренгу авторов, но не брать у них готового персонажа. Тили придумал не Костер. Мюнхгаузен существовал независимо от Распе. О Ромео и Джульетте до Шекспира писал Бьянделло.

— Кстати, для меня совершенной неожиданностью оказалась ваша пьеса «Чума на оба ваши дома». Шекспира на моей памяти так не перелицовывали.

— Для меня тоже неожиданность. Писано без всякого заказа, исключительно по азартному побуждению. Если бы эта пьеса не была осе-нена именем Шекспира, любой профессиональный драматург пришел бы в ужас от количества драматических несообразностей, которые там наворожены. Дивлюсь на фру Лоренцо — как это он так опростоволосился, умнейший человек, что из-за идиотских случайностей вышла трагедия с двумя самоубийствами. Я был в Италии, видел памятник Джульетте, записочки, которые туда кладут... Эти двое несчастных превратились в символ

возвышенной абсолютной любви. А рядом с ними, я уверен, существовали свои жулики, торговцы, священники, люди влюблялись в чужих жен, жены несвоевременно беременели, шла густая средневековая жизнь... И потом, должно же было что-то случиться после их гибели. Что-то они купили такой пень, верно? Кидаюсь к первоисточнику. Оказывается, купили. Очень недолгое перемирие Монтекки и Капулетти. А потом все снова заварилось. И я подумал: а может, у этой вражды есть еще и тот мотив, что старшие представители родов в свое время погуливали налево, что-то там такое было еще до Ромео и Джульетты? И написал про них...

— Очень мрачно написали.

— А как же! В основе всякой настоящей любви лежит трагедия.

— Как в основе всякого состояния — обман.

— Конечно! Ни одна по-настоящему сильная любовь не обходится без разрушений, без катастрофы, если хотите. Она вокруг себя сеет ужас, и потом — мы в такое время живем, что уже ясно: очень трудно сохранить верность одному партнеру. Не избежны какие-то трагические всплески, не любовник заведется, так судьба разлучит. Очень редко так бывает, чтобы жили долго и счастливо и умерли в один день. А то проживут долго и счастливо, умрут в один день, потом прочтешь дневники — батюшки! так это же был ад ежедневный!

— И какой выход?

— Не знаю. Некоторые пробуют жить втроем, это вариант, довольно распространенный в истории литературы. Один любит двоих, выбрать не может, вот как Свифт или один мой знакомый, сейчас расскажу... Нет, не расскажу. Я вам лучше пример из истории приведу. У Гюго была жена и любовница. И когда он оказался в изгнании, они жили рядом и всячески друг другу помогали. Французы были глубоко тронуты и очень одобряли это. Объявись в этой идиллии четвертое лицо, они бы всех громкогласно осудили, но втроем — это почти нормально. И я думаю, что в наш относительный, зыбкий век трагедия незаконной любви должна как-то по-другому трактоваться, а не так, что все скоты и все виноваты...

— Поклонницы вам в любви признаются?

— Ну, это не совсем признания в любви... но вот я вам сейчас похвастаюсь и покажу одно письмо. Сегодня получил. Ради таких мгновений только и стоит писать. Пишет женщина, ей тридцать шесть, у нее

есть мать, муж, дочь и кошка. Она про это сразу пишет, чтобы обрубить все возможные мечты и предположения с моей стороны. Вот она пишет, что у нее все мои книжки пропадают, потому что она, пропагандируя меня, дает их читать, а ей не возвращают. А сейчас у нее там ночь, внизу бешено ругается соседка, а она читает меня, и я как бы уравниваю соседку. И ей кажется, что я очень остроумный и талантливый. Я сегодня с утра хожу, переполняясь гордостью.

— Да я бы на вашем месте привык. У вас вроде не было провалов.

— Ни одна моя премия меня так не грела, как эти письма, честно вам говорю.

— Но там, к сожалению, муж, дочь...

— ...мать, кошка...

— А то бы можно увлечься, а?

— Нет, какое... После двадцати семи лет идеального супружества...

— Как же вы удержались двадцать семь лет в идеальном супружестве?

— Жена моя — выпускница филфака, редактор, училась в Москве, но сама грузинка. Интернациональные браки, говорят, крепкие. Как-то у нас гармонично получается, я сам удивляюсь. Другое дело, что она мною недостаточно восхищается, и самое обидное, что бывает права. То есть это я бываю прав — в одном случае из ста. Вот я пишу кусок пьесы, читаю ей. Она говорит: куда-то тебя не туда повело. Я: ты что! ты ничего не понимаешь! Потом смотрю: да, не туда.

— В семидесятые годы вы считались мастером социального, простите за выражение, диагноза. У вас был рассказ «Остановите Потапова», на котором Вадим Абдрашитов сделал первую свою славу, сняв блистательную дипломную короткометражку...

— Только рассказ назывался «Потапов». «Остановите Потапова» — это Чаковский придумал, при первой публикации в «Литературке». А то у меня было недовыражено отношение мое к герою, так ему показало. Забыть Герострата, остановить Потапова!

— И что это за тип — Потапов, открывателем которого вы считаетесь? Куда он исчез? — потому что он, по-моему, исчез...

— Никуда он не исчез, просто все мы стали Потаповыми. Я так называю людей с включенным счетчиком. Привезет девушку на свидание — такси не отпускает, у него на нее столько-то времени отведено. Столько-то на работу, столько-то на газету. Ровно в двенадцать сон без сновидений. Эмоций нет.

— И что, мы все сейчас такие?

— А что, нет? Читая газету, вы переживаете из-за каждого трупца в Чечне? Из-за каждого грабежа на улице? Из-за каждого социального катклизма? У всех нас давно притупились чувства, остался только беспрерывно щелкающий калькулятор. Успеть туда, успеть сюда, не пропустить, не забыть, не сойти с дистанции... А болевой порог всех и каждого давно и безнадежно превышен. Вы просто уже не воспринимаете жизнь, потому что всего слишком много и все это слишком страшно.

— Я думаю, это явление скорее возрастное, чем социальное.

— И возрастное, и социальное, потому что время такое, превышающее болевой порог. Вот мы хоронили Гердта, все его любили, идем за гробом, а на кладбище огромная толпа, люди не могут пройти к могиле. И тогда один человек — хороший человек, близко знавший Гердта — кричит: идите через Машенко! Машенко — это надысь на соседней плите. А что делать, если больше никак не пройти? Это и есть превышение болевого порога, когда слишком страшные вещи настолько не воспринимаются, что выглядят почти смешно. Мы живем во времена всеобщего Потапова, который бережет себя от любых эмоций, потому что если сейчас жить иначе — с ума сойдешь немедленно.

— Как вы собираетесь встречать Новый год?

— Запрूस от всех в Красновиловое с женой, собакой и компьютером.

— Вы давно пишете на компьютере? — Давно. Года два я воспринимаю его как члена семьи, мой лэптопчик. Он все знает, все понимает, напоминает мне обо всем. (Гладит

компьютер. Тот урчит.)

— И что собираетесь писать сейчас?

— Только не удивляйтесь, меня теперь часто можно увидеть в консерватории...

— Ну как же тут не удивиться, я понимаю — в пивной, а то вы — и в консерватории... Такой бездуховный и в таком духовном месте...

— Нет, серьезно. Мы собираемся в Ленкоме делать спектакль по Гофману. Идея такая: кот Мурр после смерти хозяина распродает его вещи. Ну, большинство вещей имеет хоть какую-то цену, а рукописи? нотные листы? И вот они слушают, что он там понаписал, разбираются, а играет всю эту музыку ансамбль Спивакова. Это первая его работа на захаровской сцене.

— Музыка настоящая, гофмановская?

— Нет, мы решили, что в основном это должны быть Глюк и Моцарт. Гофман вел двойную жизнь, он и имя взял себе моцартовское — Амадей, — так что это как бы музыка его души.

— А про Соломона будете дописывать?

— Да, я же написал только три первых эпизода. Меня больше всего в этом замысле знаете что интересует? Есть притчи Соломоновы, которые он читал своим семистам женам и тремстам наложницам — собирал их всех и учил, как жить. Есть «Песнь песней», про Суламифю. И есть книга Экклезиаста, которую тоже Соломон написал. Но вот что с ним случилось между Суламифью и книгой Экклезиаста — темно и неясно, провал в биографии. Вот он царь, в силе и славе, а вот бродяга, который ходит и говорит: все суета сует. А что было в промежутке? Есть даже версия, что его изгнали. Но

Жена недостаточно мною восхищается, и самое обидное, что бывает права.

мне кажется, он сам ушел.

— Еще бы, от семисот жен и трехсот наложниц... Поневоле подумаешь, что все суета.

— Нет, я полагаю, там были более глубокие причины. Семьсот жен и триста наложниц — это не худшее, что может случиться с человеком.

— Напоследок вспомним «О бедном гусаре» — фильм, показанный как раз на Новый год лет пятнадцать назад. Помните там Гафта, который в финале покидает город со своим полком? В первых кадрах он в этот город триумфально въезжал, игнорируя черную кошку, а в финале уже из-за кошки поворачивал. Пугался. Это было признание героя в том, что он сломался, — и, по-моему, ваше с Рязановым признание в бесконечной усталости...

— Конечно, времечко-то было какое, да как эта картина проходила! «Свифт» на полке лежал... Мы задумывали фильм без всякой социальности. Рязанову явился кадр: гусарский полк вступает в уездный город N. Чисто изобразительное решение: все едут, впереди полковник, — он попросил меня что-то вокруг этого намудрить. Но я был человек социально ангажированный, мне хотелось воткнуть туда третье отделение... Мы приносим заявку. Нас спрашивают: а вы в каких отношениях с Андроповым? Мы: а что? мы незнакомы... мы его знаем, а он нас, наверное, нет... Так вот, говорят нам, все упоминания третьего отделения — только с личного разрешения Андропова. А также изъять стихотворение «Прощай, немытая Россия»: пусть Леонов читает что-нибудь другое, например «Сажу за решеткой в темнице сырой». Все это нам не добавило оптимизма. И мы действительно признались в своей усталости: въезжали в эту картину бодрее, как Гафт в первой серии, а выехали грустные, как Гафт во второй.

— Но в целом вы не выглядите сломленным писателем...

— Так и он не выглядел сломленным полковником! Подумаешь, свернул из-за кошки...

Дмитрий БЫКОВ.

иначе сойдешь»

фото Бориса Кудрявова («Экспресс-газета»)